Е. А. ГУРВИЧ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

(Мой перевод «Капитала»)

Я не знаю, соберусь ли я когда-нибудь вообще написать свои воспоминания: поэтому хочу здесь записать одну страничку из того, что может вместе со мной сойти в могилу и что интересно для характеристики той эпохи. (Других участников этого дела нет уже в живых.)

Как известно, первый русский перевод «Капитала» появился в 1872 году. Издан он был в количестве двух или трех тысяч экземпляров, как обыкновенно тогда издавались книги. Переводчиком его считали Германа Лопатина. Только впоследствии стало известно, что Лопатин перевел первую главу, остальное же перевел Николай—он (Даниельсон). Издание это совершенно разошлось. В середине восьмидесятых годов «Капитал» был из'ят из обращения, и книгу достать было чрезвычайно трудно. В каждом провинциальном городе имелось 2 — 3 экземпляра, а иногда и меньше. В мрачную эпоху восьмидесятых годов и не чувствовалось особенного недостатка в этой книге. Не было также и русского перевода «Zur Kritik».

Но вот в девяностых годах вместе с возникновением рабочего движения возникает так называемый «легальный марксизм», возобновляется старый спор между народниками и марксистами, появляется книжка Струве «Критические заметки», в журналах появляется ряд статей, выходит книга Николая — она «Очерки нашего пореформенного хозяйства», затем Бельтова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Вполне естественно возникает потребность обратиться к первоисточникам — к «Капиталу», к «Zur Kritik», а между тем книги эти трудно, почти невозможно было достать. Тогда у меня явилась мысль перевести «Zur Kritik». Я жила в это время в Минске и не имела связей с издательствами, но решила сначала перевести книгу, а уже потом искать издателя. Так я и поступила. Но так как мне приходилось работать много для заработка и кроме того я много времени уделяла революционной работе, то перевод подвигался довольно медленно. Когда половина книги была уже переведена, вышел русский перевод под редакцией Румянцева. Свой перевод я тогда бросила в печку. Но «Капитал» к тому времени (1895 год) стал можно сказать, библиографической редкостью. И вот однажды, обсуждая этот вопрос, мы, — покойный Белевский (Белоруссов), Лев Маркович Зак [1]) и я, — пришли к заключению, что необходимо новое издание «Капитала». О том, что это возможно будет сделать легально, в то время еще не могло быть и речи. Затем вставал еще вопрос о том, имеем ли мы право переиздавать чужой перевод — ведь он является литературной собственностью переводчика. О получении разрешения переводчика также

---

[1]) Л. М. Зак принадлежал к числу первых пропагандистов-народников. Был в ссылке в Якутской области, откуда вернулся во второй половине восьмидесятых годов. Затем вторично был выслан в Якутскую область и вернулся в середине девяностых годов. Умер в Минске летом 1897 года.

не могло быть речи, так как Герман Лопатин сидел в Шлиссельбургской крепости. Таким образом мы пришли к убеждению, что необходимо сделать новый перевод, и сделать его, конечно, не с первого издания, а с третьего, вышедшего под редакцией Ф. Энгельса. (Сделан был перевод с четвертого издания.) Мы, конечно, понимали, что на издание потребуется много средств, которых у нас не было. Но мы решили приступить к переводу, а тем временем подыскивать средства и пути для издания. За перевод взялись сперва втроем: Л. М. Зак, я и еще одно лицо, которое я не называю здесь, потому что перевод его оказался неудовлетворительным и мы им не воспользовались. Что касается издания, то мы находили, что издавать «Капитал» в Швейцарии неудобно. Трудно было бы доставить его в Россию, да и едва ли возможно было там технически выполнить такой большой труд. Вопрос о месте издания вообще был нашей слабой стороной отчасти еще и потому, что приходилось соблюдать большую конспирацию, чтобы не провалить дела раньше, чем оно будет налажено. В то время киевляне имели связи со Львовом, где они издавали литературу и где, между прочим, издали Эрфуртскую программу. Тогда я завела переговоры относительно издания с киевлянами — Сергеем Констатиновичем Мержинским (ныне уже умершим) и со студентом Сапежкой (совершенно потеряла его из виду) — относительно издания «Капитала» во Львове. Предполагалось, в целях конспирации, изданию придать такой вид, чтобы оно с внешней стороны не отличалось от первого издания «Капитала». По нашим расчетам на издание надо было иметь 3.000 рублей. Нашелся один богатый меценат, который обещал дать на дело, если не всю, то значительную часть этой суммы. Для начала он дал 100 рублей и этим ограничился.

Работать над переводом приходилось главным образом по ночам, ибо нужно было распределять время между работой для заработка, революционной работой и переводом. Хотя я и сознавала, что перевод важнее той повседневной революционной работы, которой приходилось в то время заниматься, однако я не считала возможным от нее отказаться. Перевод мы распределили между собой следующим образом: Л. М. Зак перевел I и IV отделы, остальное перевела я. Но мы тщательно проверяли и исправляли друг друга. При переводе мы, кроме немецкого текста, пользовались еще французским переводом, вышедшим под редакцией самого Маркса.

К осени 1896 года перевод был готов, а денег на его издание, если не считать полученных нами 100 рублей, не было. Лично у нас денег также не было, мы дали все, что могли, — свой труд. В это время стали поговаривать о том, что в Нью-Йорке собираются переиздать первый русский перевод в таком виде, как он был издан в России, и переслать его сюда. Впоследствии это и было сделано в Нью-Йорке неким Евalenko. Проникло ли это издание в Россию, мне неизвестно. В начале 1897 года стали поговаривать о том, что, может быть, можно будет в России издать легально «Капитал». Я стала тогда искать путей пристроить наш перевод. Заботилась об этом я одна, потому что летом 1897 года Зак умер, Белевский же сидел в тюрьме в Петербурге. Летом 1897 года один мой приятель, Анатолий Осипович Бонч-Осмоловский, встретился за границей со Струве, и тот сказал ему, что издательница О. Н. Попова предложила ему найти переводчиков и взять на себя редакцию перевода «Капитала», который она намерена издать. Бонч-Осмоловский сообщил Струве об имеющемся уже готовом переводе «Капитала». Струве обратился ко мне и спросил, согласна ли я на издание перевода под его редакцией, и просил ответить телеграммой. Решать должна была одна я, так как Зака не было уже в живых. Я, разумеется, согласилась и выслала П. Б. Струве рукопись перевода, а потом уже списалась с Поповой относительно гонорара.

Надо сказать, что гонорар Попова предложила нищенский — 15 рублей за печатный лист в 40.000 букв. Но так как перевод был сделан без всякого расчета на вознаграждение, имелось в виду только распространение книги, то я согласилась на эти условия.

Наиболее существенное изменение, сделанное редактором, это — замена слова «стоимость» словом «ценность», на котором Струве особенно настаивал. Так как я согласилась на его редактирование, то не могла настаивать, хотя мне казалось, что

«стоимость» больше соответствует значению слова «Wert» и хотя мне трудно было привыкнуть к этой замене. Я тем более должна была согласиться, что легально издать перевод без редактирования его кем-нибудь из известных в то время экономистов ни одно издательство не согласилось бы, так как я для них являлась совершенно неизвестной величиной. Вышел перевод в 1899 году, когда я сидела в Таганской тюрьме в Москве, при чем Попова не сочла даже нужным прислать мне авторского экземпляра, и мне пришлось по поводу этого вступить с ней в пререкания.

Второе издание вышло в 1906 году, а третье в 1907 году.